

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-1.21>

Честнейшин Николай Васильевич, Честнейшина Диана Анатольевна

**СООТНОШЕНИЕ УНИВЕРСАЛЬНЫХ И ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В АКЦИОСФЕРЕ
КОНСЕРВАТИЗМА И ЛИБЕРАЛИЗМА**

Статья посвящена сравнительному анализу акциосферы консерватизма и либерализма. Исходя из идеи Ричарда Рорти о том, что современная социальная философия строится на универсалистском "кантианстве" и релятивистском "гегельянстве", раскрывается взаимосвязь системы ценностей консерватизма и либерализма через анализ содержания таких базовых ценностей, как общее благо, справедливость, свобода, индивидуальность, равноправие. Авторы приходят к выводу, что общность и различие либерализма и консерватизма являются фундаментом их взаимодействия, и эта возможность диалога - основа противостояния угрозам современной цивилизации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2018/1/21.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2018. № 1(87) С. 98-102. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2018/1/

© **Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

14. Хомелев Г. В., Хомелева Р. А. Экзистенциальная аналитика бытия М. Хайдеггера как вопрошание о бытийственных основаниях морали // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 5 (19): в 2-х ч. Ч. 2. С. 217-220.
15. Хомелев Г. В., Шутова Т. Н. Возвращаясь к Гегелю: конкретность как критерий научности познания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (79). С. 190-193.

PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS MEANING OF THE CHRISTIAN DOCTRINE OF HUMAN FREEDOM

Khomelev Gennadii Vladimirovich, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Saint-Petersburg State University of Economics
homelev@yandex.ru

The article considers the relation of philosophical and Christian understanding of the problem of human freedom. The philosophical meaning of the Christian doctrine of freedom of will, its philosophical foundations and religious prerequisites are studied. The semantic unity of understanding and interpretation of the problem of human freedom in the modern philosophical and religious world outlook is revealed through a retrospective analysis, logical correlation and reflexive conjugation of such philosophical notions as "Absolute", "God", "man", "will", "freedom", "conscience", "love", "sacrifice" and their corresponding religious beliefs.

Key words and phrases: Absolute; God; man; will; freedom; conscience; love; sacrifice.

УДК 1; 316.752

Дата поступления рукописи: 17.02.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-1.21>

Статья посвящена сравнительному анализу аксиосферы консерватизма и либерализма. Исходя из идеи Ричарда Рорти о том, что современная социальная философия строится на универалистском «кантианстве» и релятивистском «гегельянстве», раскрывается взаимосвязь системы ценностей консерватизма и либерализма через анализ содержания таких базовых ценностей, как общее благо, справедливость, свобода, индивидуальность, равноправие. Авторы приходят к выводу, что общность и различие либерализма и консерватизма являются фундаментом их взаимодействия, и эта возможность диалога – основа противостояния угрозам современной цивилизации.

Ключевые слова и фразы: консерватизм; либерализм; универсализм; релятивизм; аксиосфера; либерально-консервативный синтез.

Честнейшин Николай Васильевич, к. филос. н.

Честнейшина Диана Анатольевна, к. филос. н.

Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического)
федерального университета имени М. В. Ломоносова в г. Северодвинске
hobson@yandex.ru; irmavurst@gmail.com

СООТНОШЕНИЕ УНИВЕРСАЛЬНЫХ И ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В АКСИОСФЕРЕ КОНСЕРВАТИЗМА И ЛИБЕРАЛИЗМА

Аксиологизм – важнейшая черта философии и особенно тех ее разделов, которые посвящены человеку и обществу. Одной из главных проблем аксиологии является вопрос о соотношении универсальных и относительных ценностей. Через ее решение возможно выявить специфику различных направлений философской и социально-политической мысли. Здесь предпринимается попытка раскрыть особенности осмысления данной проблемы в таких парадигмах социально-философской мысли, как консерватизм и либерализм.

В статье Р. Рорти «Постмодернистский буржуазный либерализм» дано довольно жесткое разграничение современной социальной философии на «кантианство» и «гегельянство». «Кантианскую» установку Рорти сводит к универсализму, так как «кантианцы», по его мнению, «думают, что существуют такие вещи, как неотъемлемое человеческое достоинство, неотъемлемые человеческие права и внеисторическое различие между требованиями морали и благоразумия» [11, р. 583]. «Гегельянскую» установку он сводит к релятивизму, так как «гегельянцы», согласно Рорти, утверждают, что «невозможно апеллировать к беспристрастным критериям, которые помогут нам оценить заслуги различных существующих или предполагаемых сообществ» [Ibidem]. Несмотря на определенные признаки редукционизма, такое деление социальной философии дает ключ к пониманию основных противоречий в социально-философской мысли.

Первый аспект этого противоречия, возможно, очевиден и для самого Рорти, и заключается он в том, что «кантианство» оказывается одновременно опорой для консерватизма, либерализма и левого радикализма, то же самое можно сказать и о «гегельянстве». Консерватизм «кантианства» и «гегельянства», если исходить из статьи Рорти, выражается в их стремлении сохранить демократические институты, то есть понимается

в сугубо функциональном отношении, в соответствии с концепцией Самюэля Хантингтона, согласно которой «консерватизм уместен лишь в определенном типе исторической ситуации» [10, с. 250].

Если же говорить о такой версии «гегельянства», как «постмодернистский буржуазный либерализм», то его консервативная сущность, причем не только в функциональном плане, проявляется в провозглашении принципов, согласно которым обществу «нужно быть ответственным только перед своими собственными традициями» [11, р. 585].

Либерализм «кантианства» состоит в его защите универсальной системы прав человека и общечеловеческих ценностей, а либеральный характер «гегельянства» применительно к постмодернистскому буржуазному либерализму выражается в его положительном отношении к институтам и практикам богатых североатлантических демократий.

Наконец, радикальный характер «кантианцев» и «гегельянцев» можно увидеть в их критическом отношении к традиции, как на это указывает Р. Рорти, говоря о «кантианской критике традиции, идущей от Гегеля через Маркса и Ницше» [Ibidem, р. 584].

Несмотря на проводимое Рорти разграничение различных видов «кантианства» и «гегельянства», возникает вопрос: как может кантианский универсализм и гегельянский релятивизм совмещать в себе данные противоположности? По всей видимости, ответ может быть найден, во-первых, через прояснение сущности «кантианского» универсализма и «гегельянского» релятивизма, а точнее, через отказ от одностороннего видения философии Канта и Гегеля. Во-вторых, следует отказаться от одностороннего видения консерватизма и либерализма как чисто релятивистского или универсалистского направлений мысли.

Если мы обратимся непосредственно к философии Канта, то, без сомнения, главным его стремлением было выявление универсальных (трансцендентальных) предпосылок и условий теоретической и практической деятельности человека. Но отсюда вовсе не следует, что Кёнигсбергский философ сводил саму познавательную и практическую деятельность к выявлению универсальных предпосылок. Он, прежде всего, подчеркивал взаимосвязь эмпирического разнообразия содержания знания и практики с единством их априорных форм. Также следует отметить, что, выделяя принципиальную познавательную и практическую активность субъекта, Кант заложил основы историзма, развитого впоследствии Шеллингом и Гегелем. В целом его главная заслуга состояла в обнаружении диалектической взаимосвязи относительного и абсолютного, субъективного и объективного, произвольного и общезначимого. Кантовская универсализация, как справедливо отметил Э. Ю. Соловьев, «это не просто превращение максимы в расхожее среднеобщее правило поведения... это акт законоустановления» [9, с. 110], что требует принципиальной активности субъекта.

Нечто подобное обнаруживается и у Гегеля, хотя его диалектика предполагает относительность как логических категорий, так и социально-исторического бытия, но не следует забывать, что он рассматривает логические категории, формы природного бытия и человеческого духа как ступени развития абсолютной идеи. Таким образом, Гегель выявляет многообразие в единстве абсолютного, и тем самым релятивное у Гегеля существует лишь относительно абсолютно универсального.

Именно данная нередуцируемость Канта и Гегеля к универсализму либо к релятивизму является причиной того, что Рорти приходится относить одновременно к «гегельянству» и «кантианству» столь разные направления социально-политической мысли. Но здесь еще нет достаточного основания утверждать нередуцируемость консерватизма, либерализма и радикализма к одностороннему универсализму либо релятивизму, так как они могут опираться лишь на определенную сторону «кантианства» или «гегельянства». Отчасти это так, поскольку у самих сторонников данных направлений присутствует стремление к такой редукции. Либералы действительно утверждают универсальный характер общечеловеческих ценностей, консерваторы – зависимость ценностей от конкретной социокультурной традиции, а радикалы, как правило, исходят из ситуативно-исторического характера ценностей, ставя их в зависимость от существующего типа социальных отношений.

Тем не менее попытаемся доказать, во-первых, что и либерализм, и консерватизм необходимо предполагают наличие универсалистских и релятивистских установок, во-вторых, сами ценности, защищаемые консерваторами и либералами, имеют общую основу. Начнем с таких фундаментальных ценностей, как права человека, равноправие, справедливость, общее благо.

В либерализме права человека рассматриваются как универсальная ценность, консерватизм, в свою очередь, отстаивает идею о том, что индивидуальные права напрямую зависят от его обязанностей как члена конкретного сообщества. Таким образом, согласно либерализму, индивид обладает правами в силу своей принадлежности к человеческому роду, а в соответствии с консервативными представлениями человек обладает правами лишь в силу своей принадлежности к определенной социальной группе, нации и государству.

В то же время либерализм признает релятивность социокультурной традиции, национальной культуры, видя высшую цель развития в единстве общечеловеческой цивилизации, а консерваторы, напротив, рассматривают традицию как безусловную ценность и тем самым признают идеал общечеловеческой цивилизации относительным, являющимся собственно идеалом лишь для определенного типа культуры – западной цивилизации. Так как, например, по мысли Н. Я. Данилевского, «общечеловеческое» в либеральной идеологии смешивается с «общеевропейским» [1, с. 115]. Следовательно, для консерваторов идея прав человека оказывается относительной в силу того, что эта идея является порождением западноевропейской культуры.

Универсальный характер прав человека, согласно либерализму, предполагает формально-правовое равенство индивидов как основы социальной справедливости и обеспечения общего блага. В консерватизме, наоборот, – признание социально обусловленного характера прав человека приводит к идее правового неравенства

индивидов как основного условия достижения социальной справедливости и общего блага. Следовательно, справедливость и общее благо и консерваторами, и либералами рассматриваются как универсальные ценности.

Здесь следует обратить внимание еще на то, что идея равноправия как универсальной ценности присуща не только либерализму, но и консерватизму. Различие между ними состоит только в том, что либералы признают равноправие индивидов, а консерваторы – равноправие культур в смысле их права на национальную самобытность. Отсюда первые обосновывают наличие единой общечеловеческой цивилизации как высшей цели и основания прав индивида, а вторые отстаивают идею самобытности социокультурной традиции и отрицают общечеловеческую цивилизацию как высшую ценность.

Таким образом, равноправие, справедливость, общее благо присутствуют и в либеральной, и в консервативной системе ценностей, при этом они оказываются универсальными ценностями в том смысле, что признается их безусловная значимость безотносительно к их предмету применения. Релятивными эти ценности становятся, если только они берутся в их отношении к конкретному предмету (индивид, группа, национальная культура, общечеловеческая цивилизация).

Если обратиться к анализу таких ценностей, как свобода, автономия, индивидуальность, то, несмотря на расхожие мнения об их либеральном характере, они имеют место и в консервативной системе ценностей, причем не только в качестве релятивных ценностей, но и в качестве универсальных.

Свобода как ценность представлена в консервативном мировоззрении в двух аспектах: свобода внутренняя и внешняя. К внешней свободе консерваторы традиционно относят гражданские и политические свободы человека. Данный вид свободы рассматривается ими с релятивистских позиций, поскольку консерваторы ставят внешнюю свободу в зависимость от социокультурных традиций и степени развития внутренней свободы. Последнему виду свободы консерваторы придают универсальный характер, считая ее, по словам К. Н. Леонтьева, «той реальной свободой лица, которая возможна даже и в Китае при существовании пытки...» [5, с. 132]. Поэтому известный русский консерватор И. А. Ильин писал, что «эту свободу ни одно государство не может и не должно искоренять или заглушать внешними запретами» [2, с. 119].

Гораздо более сложным является отношение консерваторов к принципу автономии, особенно если речь идет об автономии индивида. Для консерваторов человек есть индивидуальная форма бытия социокультурной традиции, поэтому консерваторы стоят на защите гетерономных принципов и признают необходимость внешнего авторитета как главного условия развития личности. Тем не менее и для консерваторов внешний закон, авторитет приобретают характер ценности только в том случае, если они воспринимаются человеком как внутреннее веление долга. В связи с этим И. А. Ильин отмечал, что «автономия и гетерономия не исключают друг друга... ибо с того момента, как человек своим внутренним свободным признанием приемлет, покрывает и наполняет гетерономный закон, несвобода исчезает и социальный авторитет входит в его жизнь в качестве дружественной и ценной опоры» [3, с. 105-106]. Таким образом, даже для «консерватора-гегельянца» И. А. Ильина принципы кантовской автономной этики оказываются далеко не чуждыми. Но, несмотря на это, в консерватизме автономия индивида рассматривается как относительная ценность, тогда как в либерализме она оказывается абсолютной ценностью.

Совершенно иначе выглядит отношение либералов и консерваторов к принципу автономии национальной культуры, государства. Для либералов национальная автономия относительна, поскольку она лишь часть общечеловеческой цивилизации, поэтому в современных условиях либерализм становится идеологической опорой глобализации. Консерваторы, напротив, утверждают универсальный характер автономии национальной культуры, полагая, что «...*общечеловеческого* не только нет в действительности, но и желать быть им – значит желать довольствоваться общим местом, бесцветностью, отсутствием оригинальности...» [1, с. 123].

Отсюда следует также и то, что индивидуальность сама по себе для консерваторов является ценностью универсальной. Различие между ними лишь в том, что либералы признают универсальной индивидуальность отдельной личности, индивида, а консерваторы склонны акцентировать индивидуальность социокультурной традиции, для них социум, государство выступает как личность, но личность не эмпирическая, а «симфоническая личность», если применить терминологию Л. П. Карсавина. Данная персонализация социума является прямым наследием романтизма, возможно, что она имеет и более глубокие корни, например, в платоновской идее единства структуры души космоса, государства и человека.

Имея в виду последнее, следует помнить о глубоком различии между античным и европейским мировоззрением, а следовательно, и философским типом мышления. Общеизвестно, что для древнегреческих философов человек есть лишь часть природы и социума, а для новоевропейской парадигмы философии человек не часть, а целостность, личность. Тем не менее антропоцентрическое мировоззрение традиционно предписывается только либерализму как «полноправному» носителю и продолжателю идей гуманизма и Просвещения, но и консерватизм не менее антропоцентричен, несмотря на устоявшиеся представления о его социоцентрическом характере. Например, Платон в «Государстве», пытаясь понять сущность справедливости, предлагает рассмотреть сначала справедливость в государстве, а затем уже в отдельном человеке [8, с. 144], полагая человека как некое миниатюрное подобие полиса. В консерватизме обнаруживается прямо противоположная черта, а именно – стремление уподобить нацию, государство человеку, то есть человек оказывается основной мерой и принципом понимания социума.

Следовательно, различие между консервативным и либеральным пониманием индивидуальности состоит в том, что для либералов индивидуальность есть лишь признак человека, но не социума, а для консерваторов индивидуальность есть общий признак как человека, так и общества. С позиций консервативного мышления

индивидуальность человека состоит в специфическом выражении особенностей той культурной традиции к которой он принадлежит, или, по словам самих консерваторов: «Есть закон человеческой природы и культуры, в силу которого *все великое* может быть сказано человеком или народом только *по-своему*, и *все гениальное* родится именно в лоне *национального опыта, духа и уклада*» [3, с. 200].

В либеральном мировоззрении индивидуальность человека есть субстанциональная данность, присущая человеку как таковому вне зависимости от социокультурных традиций. Поэтому либералы, по сути, отрицают индивидуальность социума или, точнее, считают национальную самобытность чем-то преходящим, релятивным, иногда даже признаком отсталости, тогда как признаком прогрессивности является степень включенности того или иного государства в систему глобальной цивилизации.

Тем не менее указанные противоположности консерватизма и либерализма свидетельствуют не только об их различии, но и о наличии единого ценностно-смыслового поля. Консерватизм и либерализм выросли на одной культурно-исторической почве, поэтому не случайно, что возможны самые разнообразные формы их сочетания в виде либерального консерватизма, консервативного либерализма и т.д. И, несмотря на то, что либерализм и консерватизм возникли и сформировались в культуре модерна, в современную эпоху (постмодерна) они все же не утратили своей значимости [6, с. 71; 7, с. 65]. Более того, возможность диалога консерватизма и либерализма формирует условия для противостояния угрозам современной цивилизации. Тогда как современный постмодернизм, отрицая универсализм всех ценностей, приходит к тотальному релятивизму, но в таком случае сам релятивизм становится универсальным принципом мышления, а следовательно, метанарративом, который для самих постмодернистов предстает как признак тоталитаризма. Универсализация релятивистских принципов в постмодернизме приводит к самоуничтожению постмодернизма как философии. В связи с этим тот же Рорти признает, что «обвинить постмодернизм в релятивизме – значит пытаться приписать постмодернисту метанарратив. Это можно сделать, если отождествить “занятие философской позиции” с возможностью легкого выбора подходящего метанарратива. Если мы настаиваем на таком определении “философии”, тогда постмодернизм – это постфилософия. Но было бы лучше изменить определение» [11, р. 589].

В данном случае с Рорти можно согласиться в отношении того, что философия не является метанарративом, поскольку метанаррация в конечном итоге сводится к абсолютному универсализму, внутренне и внешне закрытому для критики, а философия необходимо предполагает диалогичность, критичность и рефлексивность мысли не только по отношению к объекту, но и к самой себе. Но, с другой стороны, «постмодернистский буржуазный либерализм», устраняя возможность универсального, стремясь избежать метанарративности, тем самым создает новый метанарратив. Как справедливо отмечает В. А. Лекторский, «отказ от диалога, замыкание в релятивистские концептуальные каркасы равнозначны сегодня гибели» [4, с. 31]. В XXI веке изнанка «постмодернистского либерализма» становится все более явной, его покровительство «институтам и практикам богатых североатлантических демократий» [11, р. 584-585] в условиях глобализации становится фундаментом совершенно нового вида тоталитаризма – глобального тоталитаризма, в котором под видом релятивизма, плюрализма, демократии и свободы устанавливается диктат определенной системы ценностей, навязываемый остальному миру в качестве единственного, универсального стандарта.

В целом можно сделать следующие выводы: редукция каких-либо направлений социально-философской мысли к одностороннему универсализму или релятивизму не продуктивна, поскольку аксиосфера необходимо включает в себя систему как относительных, так и универсальных ценностей; консерватизм и либерализм, сформировавшиеся в эпоху модерна, исходят из общего ценностно-смыслового поля, но одним и тем же ценностям предписывают разное значение; общность и различие либерализма и консерватизма является фундаментом их взаимодействия, что делает возможным либерально-консервативный синтез; постмодернистская критика идеологий как потенциально тоталитарных систем невольно расчищает почву для новых форм тоталитаризма.

Список источников

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.
2. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Русская книга, 1994. Т. 4. С. 45-148.
3. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Русская книга, 1993. Т. 1. С. 39-285.
4. Лекторский В. А. Релятивизм и плюрализм в современной культуре // Релятивизм как болезнь современной культуры / отв. ред. В. А. Лекторский. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2015. С. 5-31.
5. Леонтьев К. Н. Чем и как либерализм наш вреден? // Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12-ти т. СПб.: Владимир Даль, 2006. Т. 7. Кн. 2. С. 118-143.
6. Мусихин Г. И. Консерватизм в поисках идентичности: от либертарианства к постмодернизму? // Исторические исследования: журнал Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. 2016. № 5. С. 70-77.
7. Перегудов С. П. Либерализм XXI века – кризис или обновление? // ПОЛИС. Политические исследования. 2015. № 4. С. 64-74.
8. Платон. Государство // Платон. Сочинения: в 3-х т. М.: Мысль, 1971. Т. 3. Ч. 1. С. 89-454.
9. Соловьев Э. Ю. И. Кант: взаимодополнительность морали и права. М.: Наука, 1992. 216 с.
10. Хартингтон С. Консерватизм как идеология // Тетради по консерватизму. 2016. № 1. С. 231-250.
11. Rorty R. Postmodernist Bourgeois Liberalism // The Journal of Philosophy. 1983. October. Vol. 80. № 10. Pt. 1. Eightieth Annual Meeting of the American Philosophical Association, Eastern Division. P. 583-589.

CORRELATION OF UNIVERSAL AND RELATIVE VALUES IN THE AXIOLOGICAL SPHERE OF CONSERVATISM AND LIBERALISM

Chestneishin Nikolai Vasil'evich, Ph. D. in Philosophy

Chestneishina Diana Anatol'evna, Ph. D. in Philosophy

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Branch) in Severodvinsk

hobson@yandex.ru; irmavurst@gmail.com

The article provides a comparative analysis of axiological spheres of conservatism and liberalism. Relying on Richard Rorty's postulate that modern social philosophy is based on universalistic Kantianism and relativistic Hegelianism the authors discover the interrelation of conservative and liberal value systems by analyzing the content of such basic values as "common good", "justice", "freedom", "individuality", "equality". The authors conclude that similarity and difference of liberalism and conservatism are foundation of their interaction and this possibility for a dialogue promotes adequate response to the challenges of modern civilization.

Key words and phrases: conservatism; liberalism; universalism; relativism; axiological sphere; liberal-conservative synthesis.

УДК 304.2

Дата поступления рукописи: 01.02.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-1.22>

В статье актуализируется проблема гендерного насилия, которая по-прежнему выступает одним из наиболее распространенных способов патриархального воздействия на женщин в современном мире. Причины такого насилия кроются в ментальных структурах человека – особенностях структурирования окружающей действительности посредством бинарных оппозиций и их этической маркировки. Результатом такого понимания мира выступает ксенофобия, в частности – сексизм. Гендерное насилие в современном обществе необходимо преодолевать посредством трансформации патриархальных гендерных стереотипов и традиций, утверждающих неравенство между полами.

Ключевые слова и фразы: насилие; гендерное насилие; бинарные оппозиции; ксенофобия; мизогиния; маскулинность; феминность.

Чуркина Наталия Анатольевна, к. филос. н., доцент

Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, г. Новосибирск

NB1468@ngs.ru

МЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ГЕНДЕРНОГО НАСИЛИЯ

Одной из практических и теоретических проблем современного общества, чья актуальность не снижается со временем, выступает проблема гендерного насилия. Американские исследовательницы А. Уиллман и К. Корман отмечают, что гендерное насилие является одной из наиболее распространенных насильственных форм в мире. По ее свидетельству, более чем треть женщин в мире подвергаются разным формам насилия по признаку пола: это домашнее насилие, калечащие операции на женских половых органах, селективные аборты, торговля людьми и пр. [14].

Несмотря на значительное ослабление гендерной асимметрии, в современном обществе не наблюдается тенденции к исчезновению и минимизации насилия в отношении женщин. Между тем насилие над женщинами выступает явлением архаичным и препятствующим прогрессивному развитию общества.

Устойчивость данного феномена ставит перед исследователями задачу выявления причин гендерного насилия, а его укорененность в культуре заставляет искать эти причины в ее глубинных основаниях, в ментальности. Представляется, что гендерное насилие можно рассматривать в качестве следствия гендерной иерархии в обществе, которая возникает благодаря бинарному способу мышления человека.

Исследование гендерного насилия с точки зрения ментальной проблематики представляется актуальным, так как поведение человека как представителя определенной социальной общности во многом обуславливается духовными структурами и в частности ментальностью, которая накладывает значительный отпечаток на его мышление и поведение. Анализ ментальных характеристик феномена насилия поможет выявить истоки этого явления, способы его минимизации и понять пути становления гармоничных отношений полов в социуме.

Становление человеческого сознания и мышления происходило в условиях первобытного культурного синкретизма. Благодаря бинарности человеческого мозга уже в древности человек использовал двоичный принцип в процессе познания окружающей действительности.

Структура человеческой ментальности формируется на основе бинарных оппозиций: происходит противопоставление двойственных смыслов. Смысловая определенность бинарных оппозиций: добро-зло, верх-низ, свет-тьма, женщина-мужчина и пр. – была однозначной и способствовала ценностной маркировке явлений и процессов окружающего мира. Такая маркировка задавала границы того, что допускалось в рамках данной культуры и социума, и того, что представлялось невозможным, немислимым. Подобный способ мышления